

Татарский след в языковых биографиях башкирских марийцев¹

Марина Васильевна Куцаева

Институт языкознания РАН

Москва, Россия

marina.kutsaeva@iling-ran.ru

В статье по результатам экспедиции в местности компактного проживания марийцев в условиях старой диаспоры Башкортостана исследуется вопрос актуального владения марийцами татарским. Комплексное социолингвистическое обследование было проведено весной 2024 г. и нацелено на описание текущей языковой ситуации в этнолокальной группе марийцев Мишкинского района Республики Башкортостан. Основываясь на данных языковых биографий ста респондентов, а также представителей старших поколений в семье опрошенных, автором рассматриваются обстоятельства изучения башкирскими марийцами татарского и определяются факторы (хозяйственные, экономические, культурные и пр.), способствующие установлению тесных языковых контактов, которые татары и марийцы Башкортостана поддерживали на протяжении нескольких веков. Знание татарского языка, выступавшего в местности чересполосного проживания татар и марийцев в качестве *lingua franca*, в недавнем прошлом воспринималось вполне естественным. Реконструкция языковых биографий участников социолингвистического опроса позволила обнаружить тенденцию к уменьшению (от поколения к поколению) доли марийцев, владеющих татарским. Немногие пожилые респонденты указали на владение татарским, некоторое число респондентов в средних когортах сообщило о понимании татарского. Часть респондентов, особенно в младших когортах, вовсе не упомянула татарский в наборе языков, которыми, возможно, владели старшие члены семьи. В работе сделана попытка выявить факторы, оказавшие существенное влияние на изменение характера марийско-татарских языковых контактов в сторону замещения татарского компонента русским.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ №24-28-00157 «Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах».

Ключевые слова: марийский язык, татарский язык, языковые контакты, башкирские марийцы, социолингвистическое обследование, старая марийская диаспора

Благодарности: Автор выражает благодарность организаторам и участникам социолингвистического обследования в Мишкинском районе Республики Башкортостан и особую признательность — Е. М. Николкину и А. Л. Юзукбаевой, педагогам марийской гимназии им. Я. Ялкайна, оказавшим консультативную помощь при подготовке настоящих материалов.

Для цитирования: Куцаева М. В. Татарский след в языковых биографиях башкирских марийцев. *Родной язык*, 2024, 2: 59–81.

DOI: 10.37892/2313-5816-2024-2-59-81

Traces of Tatar in the language biographies of Mari speakers in Bashkortostan

Marina Vasilievna Kutsaeva

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
marina.kutsaeva@iling-ran.ru*

This article presents the results of fieldwork conducted with Mari speakers residing in Bashkortostan, focusing on their use of the Tatar language. A comprehensive sociolinguistic survey was conducted in the spring of 2024, aimed at describing the current linguistic situation in the Mari community in the Mishkino district of Bashkortostan. Data was collected from the linguistic biographies of one hundred respondents and representatives of the older generations in their families. The author examines the circumstances in which Maris in Bashkortostan learn Tatar and identifies factors (economic, cultural, etc.) contributing to close language contact between Tatars and Maris in Bashkortostan over the past several centuries. Knowledge of the Tatar language, which served as a *lingua franca* in areas where Tatars and Maris lived in close proximity to each other, used to be taken for granted. Language biographies gathered from the survey participants in the Mari community of Bashkortostan revealed a decreasing tendency (from generation to generation) to know Tatar well. A few elderly respondents indicated proficiency in Tatar, some middle-aged respondents claimed to have a passive understanding

of Tatar, but younger respondents did not mention Tatar at all in the set of languages that their older family members may have spoken. The author attempts to identify factors that significantly impacted the nature of Mari-Tatar language contact, leading to the replacement of Tatar by Russian.

Keywords: Mari language, Tatar language, language contacts, Maris in Bashkortostan, sociolinguistic survey, old Mari diaspora

For citation: Kutsaeva M. V. Traces of Tatar in the language biographies of Mari speakers in Bashkortostan. *Rodnoy yazyk*, 2024, 2: 59–81. DOI: 10.37892/2313-5816-2024-2-59-81

Введение

Марийцы, автохтонное финно-угорское население Среднего Поволжья, проживают компактными группами в том числе и на территории современного Башкортостана. Вторичный ареал расселения марийцев в Прикамье и Приуралье сложился в XVI–XVIII вв., массовые миграции были вызваны социальными и религиозными притеснениями податного населения [Сепеев 2006: 188]. В результате сформировалась этнографическая группа восточных марийцев (*эввел мари*), которые оказались «в среде разнообразного в культурном и языковом отношении коренного и пришлого населения Прикамья и Приуралья, главным образом башкир и татар» [Сепеев 1975: 12–13]. Выделяется восточное наречие марийского языка, имеющее под влиянием тюркских языков ряд особенностей [Марийцы 2013: 112–113]; отличительные черты наблюдаются в материальной и духовной культуре восточных марийцев [Сепеев 1975: 239].

Марийская диаспора Башкортостана, расселенная преимущественно в северо-западной и западной частях республики, является одной из наиболее старых, многочисленных (всего марийцев в РФ — 423 803 чел., из них в Башкортостане — 84 988 чел. [ВПН 2020]), и сплоченных. Как отмечается, «марийцы Башкортостана хорошо сохранили свою культуру, обычаи и обряды, родной язык» [Марийцы 2013: 140]. Впрочем, вопрос сохранности марийских идиомов, распространенных в Башкортостане, едва ли выступал пред-

метод комплексного социолингвистического обследования — в этой связи в рамках проекта РНФ «Функционирование марийских идиомов в старых диаспорах» была предпринята попытка восполнить данный пробел. Весной 2024 г. была проведена экспедиция в Мишкинском районе Республики Башкортостан. Мишкинский район считается одним из самых «марийских» в регионе: 72 % населения района составляют марийцы [Марийцы 2013: 140]. В опросе приняли участие сто человек, проживающих в с. Мишкино и некоторых окрестных деревнях, а также жители с. Чураево и дер. Баймурзино (половозрастной состав выборки представлен в Табл. 1). Участниками обследования стали учащиеся и педагоги средних школ с. Мишкино, с. Чураево, дер. Баймурзино, работники культуры, администрации, сельского хозяйства, пенсионеры, члены творческих коллективов. Все опрошенные идентифицируют себя в качестве этнических марийцев.

Табл. 1. Половозрастной состав выборки

когорта	мужчины	женщины
11–20	11	13
21–30	1	3
31–40	1	9
41–50	1	8
51–60	3	11
61–70	5	24
71–80	2	7
81+		1

Социолингвистическая анкета включала несколько блоков: языковые биографии респондентов, сферы использования и функции марийского по когортам, языковая лояльность респондентов и др. Один из вопросов анкеты касался языков, которыми владеют (или владели) родители и представители самого старшего поколения в семье, а также сами

респонденты. В наборе языков, помимо марийского и русского, респондентами нередко упоминался и татарский. Как было отмечено в [Куцаева 2023: 57], лингвистический статус идиома, распространенного в регионе, неоднозначный. Ср. «как правило, помимо марийского, они (марийцы Башкортостана — прим. М. К.) владеют также татарским и русским языками» [Садиков 2016: 14] vs «наиболее типичным является трехязычие, компонентами которого выступают родной язык полилингва, русский и второй национальный язык. Можно отметить... трехязычие с родным нетюркским, вторым тюркским и третьим русским языками, например марийско-башкирско-русское в Башкирии» [Баскаков, Насырова 2000: 72]. Вопрос о том, является ли идиом диалектной разновидностью татарского или же северо-западным диалектом башкирского, в настоящее время выступает предметом оживленной научной дискуссии [см. ДАК; Миржанова 2006]. В нашей выборке респонденты, заявившие о многоязычии в своей семье, назвали «татарский» компонент — за исключением одного опрошенного, который привел следующее замечание: «Марийский, русский и татарский знали. Ну, сейчас говорят “северо-западный диалект Башкортостана”, но это татарский язык» (№ 76, М., 62)². Наконец добавим, что *татарский* аспект в языковых биографиях марийцев ранее рассматривался нами в контексте другого полевого исследования, посвященного функционированию марийского в московском регионе (об этом исследовании см. [Куцаева 2022]). Однако, в отличие от настоящей работы, проблема марийско-татарских языковых контактов освещалась в той статье на более широком материале — по данным языковых биографий представителей не только башкирских, но уральских и луговых марийцев [Куцаева 2020]. В этом смысле сопоставление результатов текущего исследования и *общих* марийских сведений, полученных в московском обследовании, с научной точки зрения кажется нам интересным.

² Здесь и далее в скобках последовательно приводится номер анкеты, пол и возраст респондента.

Результаты и обсуждение

В выборке было выявлено несколько категорий опрошенных. Это те, кто заявил о владении татарским: 1) только в поколении бабушек и дедушек в семье; 2) в поколении родителей; а также те, кто указал на 3) собственное владение татарским или 4) понимание татарского. Кроме того, в выборке значительно присутствие тех, кто 5) не упомянул татарский вовсе. Рассмотрим каждую категорию отдельно.

Чрезвычайно небольшой процент респондентов в выборке (4 %) отметил, что татарский входил в набор языков, которыми владели только самые старшие члены семьи. Об этом упомянули опрошенные младших и средних когорт (до 40 лет), проживающие в райцентре Мишкино, а также те, кто в свое время мигрировали с родителями в другие регионы страны. В этой группе вспоминали, например, что «бабушка могла общаться с торгашами по-татарски». Любопытно, что респонденты старших когорт, непосредственно контактирующие с торговцами-татарами в детстве, затруднялись с поиском русского эквивалента татарского «*сатучь*» (букв. 'продавец, торговец').

Значительное число респондентов (55 %) указало на владение их родителями (а также часто априори бабушками и дедушками) татарским (см. схожую ситуацию у татышлинских удмуртов [Кашкин, Винклер 2024: 36–37]). Об этом преимущественно заявили лица старше 55 лет, хотя в данной категории есть и представители самой младшей когорты. Здесь же отметим следующее: в то время, как молодые участники опроса сообщили о владении их родителями татарским, сами родители (также наши респонденты) оценивают свой уровень татарского довольно скромно (в сравнении с поколением своих родителей и старше). Стоит признать, что свободное владение, действительно, зачастую является вопросом впечатления или мнения [Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 71–72].

Более фундаментальное различие между *знанием* и *владением* заключается в том, что знание языка может быть пассивным, в то время как владение языком с необходимостью

предполагает наличие определенных активных навыков в обращении с языковыми средствами [Беликов, Крысин 2016: 51]. О своем *владении* татарским сообщили 6 % опрошенных. Однако о *понимании* татарского (в разной степени от «понимаю чуть-чуть», «слегка» до «от меня секреты не утаят») в выборке упомянули заметно больше респондентов (27 человек). *Знают* татарский участники старших когорт, *понимают*³ — респонденты старших и средних когорт. Несколько респонденток в старших и средних когортах состоят в браке с татарами⁴, некоторые младшие участники опроса родились в марийско-татарских семьях, однако воспитываются матерями-марийками и назвали родным языком марийский, а себя считают марийцами.

К последней, также многочисленной (более 30 чел.) категории принадлежат лица, которые не упомянули татарский вовсе. В основном это младшие участники опроса, а также некоторые представители средних когорт. Среди тех, кто совсем не назвал татарский, практически нет самых пожилых респондентов.

Сведения, полученные в ходе интервью, позволяют составить довольно подробное представление об обстоятельствах, при которых местные марийцы ранее осваивали татарский язык. Согласно этим данным, годы рождения родственников в старших поколениях семьи, свободно владеющих татарским, пришлись на конец XIX в. (без уточнения годов рождения) и первую половину XX в. (были указаны: 1905, 1909, 1911, 1916, 1918, 1923, 1927, 1928, 1937, 1941, 1942). Надо сказать, все они были уроженцами деревень, примыкающих к Бирскому тракту (часть Сибирского тракта). «Чураевцы, которые постарше поколение, — они очень хорошо разго-

³ Отдельно отметим, что, по мнению опрошенных, *понимание* ими татарского, обусловлено, среди прочего, и большим количеством заимствований из тюркских языков в марийских идиомах Башкортостана (о тюркских заимствованиях в марийском см. [Исанбаев 1989]).

⁴ По сведениям, полученным от более пожилых респондентов, браки марийцев с татарами ранее не поощрялись (эти же данные см. [Куцаева 2020: 19]).

варивали по-татарски, потому что через Балтачево, через Янаул у нас большой тракт был, вот как раз эта дорога, где мы и находимся сейчас (указывает рукой на сельскую дорогу за окном — прим. М. К.). Эта дорога идет через Янаул, Бураево, Чураево, Курманаево и в Бирск. Это екатерининская дорога была, федеральная дорога» (№ 30, М., 73). Бирский тракт сохранял свое хозяйственно-экономическое значение долгое время. Дорогой пользовались и татары, и марийцы, которые отправлялись в Бирск по торговым делам на рынок или на ярмарку. По сведениям респондентов, в дороге использовали гужевой транспорт, нередко путешествовали пешком (расстояние между Чураево и Бирском около 30 километров). Здешние марийцы отправлялись в Бирск на рынок на несколько дней, часто их попутчиками были татары. Татары, направляющиеся из Бураево в Бирск, останавливались на ночлег в Чураево. Каждый со временем имел свою «квартиру», завязывались дружеские связи, марийцы и татары «становились друг другу как родня», что проявлялось даже в именинаречении новорожденных. «Бабушка мне рассказывала: “Когда я родилась в этот день, жуткий январский день 1905 года, такой холодный день был”. Как раз в гостях у моего прадеда находился его друг татарин. И вот именно он, этот татарин, дал имя моей бабушке — Янсуло. А младшая сестра получила имя Майсуло. А тетка моей бабушки была Алтынай, в переводе с татарского ‘золотой месяц’”» (№ 26, М., 58).

Другим непосредственным способом приобщения к татарскому среди марийского населения были хозяйственные контакты с татарами. Татары приезжали в марийские деревни покупать телят, марийцы ездили к татарам на мельницу молоть зерно или, напротив, принимали татар на своей мельнице: «Иногда они приезжают, допустим, на десяти лошадях, а мельница двух сегодня пропустит. Остальные домой же не поедут, ночевать заходят» (№ 59, М., 76). Через марийские деревни пролегал путь татарских ремесленников. «Раньше у нас валенки катать с Казани приезжали татары, с ними постоянно родители по-татарски говорили, а эти мастера с детьми по-марийски разгова-

ривали. Это были *портышкеш* *ыштыше*, пимокаты. В то время у нас вообще этим не занимались марийцы. Только татары. Они отпуск брали там, зимой на месяц приезжали, по домам ходили, кому надо валенки катать. Приходили, шерсть готовили, катают, печку топят там, воду нагревают. Хозяева готовили всё остальное. Здесь кончают — переходят к другому, там будут жить. По очереди уже. Кому катают — у них и жили» (№ 29, М., 70).

Осваивать татарский вынуждала марийцев в прошлом, судя по всему, и крайняя нужда. Марийские дети из бедных семей нанимались в татарские семьи на сезонную работу. «Маму мою в пять лет мачеха отдала у татар нянечкой работать во время войны, и она очень хорошо до самой смерти разговаривала по-татарски» (№ 7, Ж., 53). «Отец (1916 г.р. — прим. М. К.) с малых лет нанимался пастухом, с пяти-шести лет в татарских деревнях. Нанимался на лето у татар, и вот он там выучился. И даже на гармошке играл с ними, с татарами» (№ 48, М., 58). Эти практики были распространены, кажется, и в послевоенное время. «Мама моя с малых лет работала, раньше же денег не было. Мать у них пожилая была, после войны они родились. С десяти лет начала работать, нанималась к татарам, это рядом татарская деревня. Овечек пасла, жила там и детей смотрела. Жила летом и до осени. Вот поэтому она и научилась хорошо по-татарски» (№ 19, Ж., 56).

Марийско-татарские языковые контакты укреплялись культурными связями. В 1920-х гг., по окончании гражданской войны, формировались агитбригады, которые разъезжали по окрестным деревням и селам с концертами. «Известно, что из татарских сел приезжала татарская молодежь, давала спектакли на татарском языке. Клубы, говорят, были полны народа, и все, от мала до велика, прекрасно понимали и слушали эти спектакли. Их провожали всей деревней и звали к себе еще» (№ 26, М., 58).

Поддержанию культурных связей между марийцами и татарами способствовала большая *торговая* дорога. Эти связи (между попутчиками, хозяевами и квартирантами) сохранялись в нескольких поколениях татарских и марий-

ских семей. Однако, по замечанию некоторых опрошенных, культурные связи⁵ были сопутствующими хозяйственно-экономическим отношениям. «Родители мои более-менее владели татарским, но хуже, чем их родители. Хуже уже. Связь между татарскими и марийскими деревнями была теперь уже только на праздниках. На Сабантуях. Марийцы приезжали к ним в Буроево, в татарскую деревню, на районный Сабантуй. И те товарищи, семейные друзья, которые были при их родителях, — вот они захаживали к ним. А уже новых друзей у них не было. Приезжали они к семейным друзьям на Сабантуй, ставили самовар, пекли блины, перенимали некоторые традиции у татар. А татары приезжали на Сабантуй к нам в Чураево, к марийцам. То есть обмен лучших сторон традиций и татарских, и марийских. И папа даже рассказывал конкретно вот какой пример. Приехал он в Буроево на татарский Сабантуй. Завел, говорит, лошадь во двор, хозяин сказал: “Заходи чай пить, Каникей!” Я, говорит, зашел, а хозяйка самовар поставила и печет блины. Блины прямо стопкой она поставила передо мной: мол, давай, наливай чай, Каникей, и ешь блины. Я, говорит, чай пью: один стакан выпил, второй налил. Заходит хозяин-татарин и говорит, обращаясь к своей супруге: “Ты что?” У марийцев не режут ножом блины на четыре части, а хозяйка должна отломить сначала. И вот хозяин обращается к жене и говорит: “Почему ты не отломил блины? А вот Каникей сидит и чай пьет без блинов!” Она подошла, извинилась, блины на четыре части руками отломил и я, говорит, уже довольный стал пить чай» (№ 62, Ж., 71). Многие респонденты вспоминали о том, что дружеские связи с татарами поддерживали самые старшие представители в их семье. «Но по традиции татары ездили, продолжали ездить друзья бывшие эти к нам вплоть до начала 1980-х годов. Я прекрасно помню, приезжали последние эти бабушки-дедушки татары, к нам в гости к бабушке. Они когда-то тоже были нэпманами, торговцами. И последний раз была,

⁵ Об особенностях хозяйственного быта восточных марийцев и тюркском на них влиянии см. [Сепеев 1975: 154–230].

я помню, бабушка Нагима. На шее у нее было по татарскому обычаю янтарное ожерелье и кольца на пальцах. У нее на каждом пальце по кольцу, наверное, было. И пила она чай очень интересно — всеми пятью пальцами поддерживала чайное блюдечко. И они с бабушкой сидели и за самоваром, так вот тихо беседуя между собой, пили чай» (№ 26, М., 58). Поддержанию татарского языка в марийском сообществе помогала песня на татарском: по сообщению респондентов, башкирские марийцы издавна любили песни на татарском, а некоторые из них через татарские частушки обучались языку своих ближайших соседей.

По-видимому, начиная с 1960-х годов марийско-татарские языковые контакты утрачивают свой широкий и естественный (ввиду хозяйственной необходимости) характер. Постепенно гужевого транспорт заменяется автомобильным, строится автомобильная дорога. Бирский тракт, который протянулся через марийские населенные пункты, теряет свое прямое назначение. «Жизнь изменилась. На лошадях не ездили, не надо было останавливаться в деревнях — поехали все на машинах, и уже от пункта А до пункта Б ехали быстрее, без постоянного двора и ночлегов. Это уже немножечко, как сказать, расширение цивилизации» (№ 62, Ж., 71). «У матери раньше дом был недалеко от центральной дороги в Бирск, татары на постоянный двор заходили к ним вечером, останавливались на ночь. Асфальта же тогда не было, асфальт проложили в 1969 году. Вот мы — уже то поколение, которое на татарском не разговаривает» (№ 18, Ж., 55). Действительно, многие из тех, кто *понимает* татарский в поколении родившихся в 1960-х, в детстве слышали татарскую речь от своих родителей, бабушек и дедушек. Более уверенно в татарском чувствуют себя респонденты средних и старших когорт, поскольку вели впоследствии уже по собственной надобности хозяйственную, производственную, иную деятельность с татарами: ремонт радиоаппаратуры, починка музыкальных инструментов, работа бок о бок в колхозе, объединяющем марийские и татарские деревни, торговля (должность продавца или регу-

лярное посещение магазина в качестве покупателя в татарской деревне), врачевание (по сообщениям некоторых респондентов, к методам народной марийской медицины обращались и татары (о народной медицине см. [Марийцы 2013: 314–315])).

Некоторые респонденты старших и средних когорт, по их признанию, ранее более свободно изъяснялись по-татарски: во время учебы в юности снимали жилье у татарских бабушек, не владевших русским, учились с татарами в школе или в техникуме, работали с татарами на производстве. Ныне, с возрастом, они утратили навык свободного общения с татарским, тогда как их родители, кажется, сохраняли хороший уровень татарского до глубокой старости. «Просто мои родители каждый день общались, а мы — не каждый» (№ 32, М., 57). В общении они используют русский язык, татарский употребляется в символической функции.

В выборке у некоторых респондентов, заявивших о владении их родителями татарским, отец или мать являлись выходцами из Янаульского или Бураевского районов — они считаются *более татарскими* (высокая плотность татарского населения, в отличие от Мишкинского). Среди тех, кто поддерживал в том числе языковые контакты с татарами, были уроженцы марийских деревень, расположенных в непосредственной близости от татарских в Мишкинском районе. «Наши марийцы буклендинские (марийская деревня Букленды в Чураевском сельском совете — прим. М. К.) татарский чисто знали, потому что рядом была татарская деревня Урал (прекратила свое существование в 1970-х гг. — прим. М. К.). У них ни магазина не было, ни клуба. Вся молодежь в Букленды приходила» (№ 51, Ж., 67). «Бабушка разговаривала, у нас соседняя деревня — татары есть. К ним в гости всегда приезжали с соседней деревни, на татарском разговаривали. Друзья дедушки и бабушки» (№ 46, Ж., 35).

Вопрос о том, насколько татары Мишкинского района владели марийским, остается открытым и может стать предметом самостоятельного исследования. Аспект владения татарами марийским был частично затронут в [Куцаева 2020: 15]. По косвенным данным, полученным от на-

ших респондентов в этом обследовании, мы можем обозначить лишь самые общие моменты. Татарский долгое время являлся в регионе языком межэтнического общения и занимал высокие позиции в иерархии локальных идиомов. Среди некоторых участников опроса старших и средних когорт татарский по-прежнему сохраняет свой статус: «Когда татарский знаешь, татары тебя уважают, у них почему-то такой подход. Татары-учителя и подсказать тебе могли на татарском» (№ 51, Ж., 67), «Когда ты владеешь их языком, ты уже “свой”, тебя вне очереди обслуживали. Ты почти блатной, особенно когда талонная система была» (№ 85, Ж., 45). «Девочки-татарки с тобой тогда уже общались, если ты умеешь разговаривать по ихнему языку» (№ 30, М., 73). «Татарский хорошо бы знать, а то как пойдешь в Бураевский район, татары так рады будут!» (№ 40, Ж., 70).

Татарские *бабушки*, как и марийские, о которых рассказывали нам респонденты (период начала XX в. вплоть до 1960–1970-хх гг.) плохо или совсем не знали русский язык. Во всяком случае многие марийские *пожилые женщины* тех поколений⁶, по воспоминаниям участников опроса, владели татарским лучше, чем русским. В дальнейшем возросла роль русского в качестве языка межнационального общения, особое влияние на языковую ситуацию в РСФСР оказала почти повсеместная русификация образования и сокращение национальных школ (об этом в том числе на материале Башкирии (Башкортостана) см. [Беликов, Крысин 2016: 301–302]). В нашей выборке пожилые участники опроса в начальной школе преимущественно обучались в национальных марийских школах на марийском языке. В средней школе состав классов становился многонациональным, языком обучения был русский.

⁶ Что касается мужчин, то для них была характерна большая территориальная мобильность, в том числе миграции в другие регионы; кроме того, военная служба значительно повышала уровень владения русским языком среди других национальностей СССР [Беликов, Крысин 2016: 299].

В класс объединялись ученики близлежащих национальных начальных школ. Среди возможных вариантов такого объединения были:

- 1) преобладание татарских детей в классе >> марийцы осваивают татарский (такой случай зафиксирован нами в [Куцаева 2020: 18], правда речь идет о Белебеевском (*бoлee татарском* районе Башкортостана);
- 2) преобладание марийских детей >> татары осваивают марийский. Именно о втором варианте довелось услышать нам от респондентов. «Еще надо сказать, у нас тут есть деревня Кызыл-Юл. Красный путь. Так вот дети из этой деревни — а их было много в 60-х годах — ходили учиться в деревню Баймурзино, и большая часть их образование получала в Чураево, потому что средняя школа была только в Чураево. Вот эти татары лучше владели марийским языком, чем русским» (№ 26, М., 58). «С пятого класса (в 1967 г. — прим. М. К.) уже и кызыл-юловцы пришли. У них тоже до четвертого класса была школа у себя, они по-марийски и не знали тогда. И вот учителя начинают по-русски объяснять и потом дальше пошли по-марийски объяснить⁷, а мальчики эти по-марийски не понимают! И поэтому на задней парте сидят и под партой в карты играют. Ну, потом они тоже научились по-марийски: дети же быстро учились!» (№ 51, Ж., 67). «Обратного процесса, чтобы марийские дети вместе с ними приобщались к татарскому языку, — этого не было. Эти татарские дети, они и сейчас — они среднего и старшего возраста — хорошо говорят на марийском языке. И лучше говорят на марийском языке, чем на русском даже. Я с ними общаюсь на марийском языке, но они татары» (№ 26, М., 58). Многие из тех марийцев, кто учился с татарами в классе в среднем звене

⁷ Довольно распространенная в прошлом практика объяснения нового материала в национальных школах: тему или правило учитель читает на русском, все необходимые разъяснения приводятся преимущественно на родном (марийском) языке [Куцаева 2023: 60].

школы или в дальнейшем поддерживали тесные дружеские отношения (коллеги по работе) заявили о понимании татарского. Но языком общения между татарами и марийцами являлся уже русский (см. ситуацию у та-тышлинских удмуртов [Кашкин, Винклер 2024: 37]).

В этот же период татарский уходит в разряд тайного языка в тех марийских семьях, где старшее поколение еще владело им, а младшее уже не понимало. «Когда секретничали между собой, родители говорили на татарском языке, я очень сердился» (№ 26, М., 58). «Ну кто его знает, что они хотели скрыть, они же скрыли! Бывало, что мы спрашивали у них, а они отнекивались» (№ 48, М., 58).

Что касается представителей самой младшей когорты, о понимании татарского нам сообщили единицы — те, кто родились в смешанных марийско-татарских браках. В наборе языков, которыми они владеют⁸, марийские школьники указали и *башкирский*⁹. «Марийский, русский, башкирский в школе учим, и то я чуть-чуть знаю. А вот татарский — ну там только “здравствуйте” и всё, а откуда знаю, потому что в школе¹⁰ мы здороваемся на разных языках» (№ 11, Ж., 12). Башкирский — государственный язык наряду с русским в Республике Башкортостан [Закон РБ о языках, Ст. 3, п. 1], он является обязательным к изучению в ка-

⁸ В этот же набор включаются респондентами разных когорт и в самых разных выборках иностранные языки («немецкий со словарем», «в школе мама изучала французский» и пр.). Эта практика находит отражение и в результатах переписей населения — в разделах о владении языками: как отмечено в [Беликов 2020: 22], на владение иностранными языками могут указывать даже те, кто знает их очень поверхностно.

⁹ Башкирский иногда упоминали и самые старшие участники опроса в отношении языков, которыми владели их родители (обычно один из родителей и заметно реже, чем татарский: ср. «Они знали татарский и даже башкирский – мама»).

¹⁰ В Полилингвальной школе с. Мишкино заведена практика приветствий по дням недели: «Понедельник — на русском, вторник — на башкирском, среда — на марийском, четверг — на английском, пятница — на татарском» (№ 13, Ж., 47).

честве предмета в школах республики¹¹. Башкирский (государственный) преподается один час в неделю с первого по одиннадцатый класс. Один из молодых респондентов сказал, что практиковать башкирский в округе не с кем и знания башкирского ограничиваются школьной программой. Впрочем, по замечанию педагога башкирского языка (см. сноску 11), со временем ее бывшие ученики, теперь уже студенты в крупных городах республики, нередко дают ей обратную связь. Они подчеркивают, что башкирский язык, который когда-то изучали с неохотой и только потому, что «родители говорили, что государственный — ладно уж», возможно, им и нужен. «Студенты говорят, если куда-то заходят и понимают, что там ты на башкирском разговариваешь, они тебя воспринимают как своего человека. Это особенно в Уфе ощущается, многие разговаривают на башкирском» (№ 101, Ж., 39). Ср. суждения более пожилых респондентов относительно знания татарского и отношения татар к марийцам, владеющих татарским.

¹¹ В одной из марийских школ района башкирскому (государственному) обучает марийских школьников этническая татарка. «У меня специальность “учитель татарского языка”. Я замуж вышла в 2006 году в марийскую деревню. Как раз в те годы в школу внесли башкирский язык как государственный, у них был шок: где учителя найти? Когда я еще на пятом курсе обучалась, они (администрация школы — прим. М. К.) узнали, что жениться собирается их бывший ученик, и супруга — татарка. И у них башкирский язык год вела марийка, и они ждали, что скоро-скоро будет май и придет учитель, которая хотя бы понимает. Вот я пришла, меня взяли на работу с условием, что я буду переквалифицироваться с учителя татарского на учителя башкирского. В Уфе проходила переобучение заочно полтора года. Башкирский и татарский, хотя и близкие языки, но к башкирскому все равно привыкать надо. 17 лет уже преподаю башкирский язык. Он намного лучше у меня стал! Я ведь раньше даже не представляла, как я буду разговаривать на башкирском языке! Я когда разговариваю на башкирском, меня спрашивают: “Молодец, ты как так быстро научилась?” А я не быстро — долгое время прошло, пока я научилась» (№ 101, Ж., 39).

В завершении раздела сопоставим языки, которыми владеют самые старшие члены семьи и самые младшие на примере одной марийской семьи на протяжении поколений (в обследовании приняли участие бабушка и внучка). В фокусе нашего внимания, безусловно, находится татарский.

респондент	набор языков
№ 17, Ж., 63	<p>Бабушка (г.р. не уточнен, умерла в 1981) «Марийский. Татарский — понимала и разговаривала. Русский не понимала, знала всего лишь несколько слов»</p>
	<p>Родители 1927, 1928 г.р. «Марийский, русский. Татарский обязательно знали. Наша деревня Тигирменево, а соседняя — там есть татары, они вместе работали в колхозе; может, поэтому знали»</p>
	<p>Респондент 1961 г.р.: «Марийский, русский, татарский. Научилась по-татарски, кое-чего пойму. Если говорят по-татарски, я уже знаю, о чем речь»</p>
№ 16, Ж., 19	<p>Родители 1981, 1984 г.р.: «Они владеют марийским, русским, башкирским. Потому что башкирский изучали в школе. Ну, наполовину выучили. Со мной на башкирском разговаривали, когда я в школе училась, они мне помогали с домашними заданиями»</p>
	<p>Респондент 2005 г.р. «Марийский, русский, башкирский — изучала в школе, но с башкирами никогда не разговаривала (на башкирском — прим. М. К.)»</p>

Как видим, татарский язык, которым активно владели самые старшие члены семьи, осваивая его в устной коммуникации с соседями-татарами, постепенно вымывается из языковых биографий марийцев, уходит в пассивное знание («по-татарски кое-чего пойму») и в последующих

поколениях замещается русским. Однако в это же время, в результате языковой политики 1990-х гг., признания башкирского в качестве государственного в Башкортостане и внедрения его в школьные программы (обзор языковой ситуации того периода приводится в [Баскаков, Насырова 2000]), в набор языков респондентов младших когорт включается башкирский. Источником приобщения к башкирскому (в отличие от татарского, который, по выражению одного из респондентов, «приходил тогда из самой жизни») является школа. Изучение башкирского в качестве предмета, хотя и является обязательным, однако не гарантирует его активное использование в языковых контактах марийцев с башкирами, как это было когда-то в марийском сообществе с татарским.

Заключение

Комплексное социолингвистическое обследование проводилось в одном из самых *марийских* районов Республики Башкортостан — Мишкинском; в фокусе внимания, ввиду характерного в целом для региона многоязычия, оказалось бытование татарского языка в марийском сообществе. Интерес к татарскому компоненту в языковых биографиях респондентов был обусловлен в том числе более ранним нашим исследовательским проектом [Куцаева 2020]. Результаты обследования в московском регионе свидетельствовали о наличии (когда-то) и постепенном вымывании (затем) татарского из языковых биографий марийцев (луговых, уральских, башкирских). Сведения настоящего обследования подтвердили и, кроме того, позволили уже на местах уточнить данные, полученные в более общей *московской* марийской выборке.

Становление и развитие марийско-татарских языковых контактов были вызваны прежде всего хозяйственно-экономической необходимостью. В частности, в исследуемых нами населенных пунктах Мишкинского района главной транспортной и торговой артерией являлся в течение не-

скольких веков Бирский тракт. *Большая дорога* диктовала свои условия *общезития* для представителей разных народов региона, способствуя живому бытованию татарского в марийском сообществе. Изменения в хозяйственной деятельности во второй половине XX в. (широкое использование автомобильного транспорта, строительство автомагистралей и др.) привели к ослаблению торговых и экономических отношений между татарами и марийцами. Однако культурные, семейные и дружеские связи (с татарским в качестве языка общения) между представителями этих народов сохранялись еще одно-два поколения. В дальнейшем марийско-татарские языковые контакты, по данным выборки, утратили *массовый* характер и владение татарским стало типичным лишь для тех, кто состоял в непосредственных хозяйственных, торговых, дружеских, личных отношениях с татарами. В выборке лица, рожденные в 1960-х гг. и позднее в большей мере *понимают* татарский, чем владеют им. Функции татарского, как это отмечалось в [Куцаева 2020: 20], сужались. Утратив собственно коммуникативную функцию, которую татарский выполнял ранее между татарами и марийцами, он сохранялся в качестве тайного языка во внутрисемейном общении марийцев старшего поколения. В младших когортах татарский практически не был указан участниками опроса. На смену татарскому в набор языков молодых марийцев пришел башкирский, канал его освоения — обязательное изучение башкирского (государственного) в школе. Однако в коммуникации с представителями тюркоязычных народов они используют преимущественно русский язык. Впрочем, некоторые считают, что башкирский может им пригодиться в будущем, понимание татарского также «не помешает». Нашими респондентами не исключается и возможность полноценного (в отдельных случаях и обстоятельствах) освоения татарского следующим поколением марийцев. «Кто знает, может, и татарский понадобится. Сыновья подрастают, вдруг на татарках женятся» (№ 85, Ж., 45).

Литература

Баскаков, Насырова 2000 — Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк). *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции*. Москва, 2000, 34–129.

Беликов 2020 — Беликов В. И. Многоязычный Дагестан: лингводемографический комментарий к Всероссийской переписи населения 2010. *Малые языки в большой лингвистике*. Сборник трудов конференции 2020. Москва, 2020, 16–24.

Беликов, Крысин 2016 — Беликов В. И., Крысин Л. П. *Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры*. Москва, 2016.

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Том5_tab5_VPN-2020.xlsx. Дата обращения: 25.09.2024.

ДАК — Дискуссионно-аналитический клуб по вопросам языковой политики. «Северо-западный диалект башкирского языка: социокультурный аспект». Видеозапись 12-го заседания клуба. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211126_daclr_video Дата обращения: 11.09.2024.

Исанбаев 1989 — Исанбаев Н. И. *Марийско-тюркские языковые контакты*. Ч. 1: *Татарские и башкирские заимствования*. Йошкар-Ола, 1989.

Закон РБ о языках — Закон Республики Башкортостан от 15.02.1999 № 216-з «О Языках народов Республики Башкортостан». URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425?ysclid=lkocst2lmsv42917290>. Дата обращения: 17.10.2024.

Кашкин, Винклер 2024 — Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А. Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТиПЛа МГУ. *Родной язык*, 2024, 1: 16–43.

Куцаева 2020 — Куцаева М. В. Марийско-татарские языковые контакты в зеркале языковых биографий марийцев Московского региона. *Урало-алтайские исследования*, 2020, 4 (39): 7–23.

Куцаева 2022 — Куцаева М. В. Марийский в Москве: к вопросу о сохранности этнического языка в условиях внутренней диаспоры. *Финно-угроведение*, 2022, 63: 30–44.

Куцаева 2023 — Куцаева М. В. Из старой диаспоры в новую: к вопросу о сохранности языка и культуры башкирских марийцев (на материале социолингвистического исследования в марийской диаспоре московского региона). *Урало-алтайские исследования*, 2023, 4 (51): 54–79.

Марийцы 2013 — *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. Йошкар-Ола, 2013.

Миржанова 2006 — Миржанова С. Ф. *Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние)*. Уфа, 2006.

Сепеев 1975 — Сепеев Г. А. *Восточные марийцы: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX вв.)*. Йошкар-Ола, 1975.

Сепеев 2006 — Сепеев Г. А. *История расселения марийцев*. Йошкар-Ола, 2006.

Dauenhauer, Dauenhauer 1998 — Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. *Endangered languages: Current Issues and Future Prospects*. L. A. Grenoble, L. J. Whaley (eds.). Cambridge, 1998, 57–98.

References

Baskakov A. N., Nasyrova O. D. Yazykovye situatsii v tyurkoyazychnykh respublikakh Rossiyskoy Federatsii (kratkiy sotsiolingvisticheskiy ocherk) [Language situations in Turkic-speaking republics of the Russian Federation (a brief sociolinguistic outline)]. *Yazyki Rossiyskoy Federatsii i novogo zarubezh'ya: status i funktsii*. Moskva, 2000, 34–129. (In Russ.)

Belikov V. I. mnogoyazychnyy Dagestan: lingvodemograficheskiy kommentariy k Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 [Multilingual Dagestan: a linguodemographic commentary on the All-Russian 2010 Census]. *Malye yazyki v bol'shoy lingvistike. Sbornik trudov konferentsii 2020*. Moskva, 2020, 16–24. (In Russ.)

Belikov V. I., Krysin L. P. *Sotsiolingvistika: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury* [Sociolinguistics: Textbook for bachelor's and master's degree]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. *Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska*. Endangered languages: Current Issues and Future Prospects. L. A. Grenoble & L. J. Whaley (eds.). Cambridge, 1998, 57–98.

Diskussionno-analiticheskiy klub po voprosam yazykovoy politiki. «Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka: sotsiokul'turnyy aspekt». Videozapis' 12-go zasedaniya kluba [Discussion and Analytical Club on the Language Policy. “Northwest dialect of the Bashkir language: sociocultural aspect”. 12th DAC meeting]. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/news/211126_daclp_video (In Russ.)

Isanbaev N. I. *Mariysko-tyurkskie yazykovye kontakty*. Ch. 1: *Tatarskie i bashkirskie zaimstvovaniya* [Mari-Turkic language contacts. Part 1: Tatar and Bashkir loans]. Yoshkar-Ola, 1989. (In Russ.)

Kashkin E. V., Vinkler M.-E. A. Yazykovaya situatsiya u tatyshlinskikh udmurtov: nablyudeniya ekspeditsii OTiPLa MGU [The tatyshgly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork]. *Rodnoy yazyk*, 2024, 1: 16–43. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Iz staroy diaspory v novuyu: k voprosu o sokhrannosti yazyka i kul'tury bashkirskikh mariytsev (na materiale sotsiolingvisticheskogo obsledovaniya v mariyskoy diaspore moskovskogo regiona) [From the old diaspora to the new one: on Bashkir Maris' language and culture maintenance (results of a sociolinguistic survey in the Moscow region Mar diaspora)]. *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2023, 4 (51): 54–79. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Mariyskiy v Moskve: k voprosu o sokhrannosti etnicheskogo yazyka v usloviyakh vnutrenney diaspory *diaspory* [The Mari language in Moscow: The problem of ethnic language preservation in the conditions of internal diaspora]. *Finno-ugrovedenie*, 2022, 63: 30–44. (In Russ.)

Kutsaeva M. V. Mariysko-tatarskie yazykovye kontakty v zerkale yazykovykh biografii mariytsev Moskovskogo regiona [Mari-Tatar language contacts as reflected in the language biogra-

phies of Moscow region Mari]. *Uralo-altayskie issledovaniya*, 2020, 4 (39): 7–23. (In Russ.)

Mariytsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Maris. Historical-ethnographic outlines]. Yoshkar-Ola, 2013. (In Russ.)

Mirzhanova S. F. *Severo-zapadnyĭ dialekt bashkirskogo yazyka (formirovanie i sovremennoe sostoyanie)* [The North-Western dialect of Bashkir (formation and current state)]. Ufa, 2006. (In Russ.)

Sepeev G. A. *Istoriya rasseleniya mariytsev* [History of Maris' settlement]. Yoshkar-Ola, 2006. (In Russ.)

Sepeev G. A. *Vostochnye mariytsy: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noy kul'tury (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Eastern Maris: historical-ethnographic study of material culture (middle of XIX – beginning of XX centuries)]. Yoshkar-Ola, 1975. (In Russ.)

Vserossiyskaya perepis' naseleniya [The All-Russian Census of 2020]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab5_VPN-2020.xlsx (In Russ.)

Zakon Respubliki Bashkortostan ot 15.02.1999 № 216-z «O Yazykakh narodov Respubliki Bashkortostan» [Law of the Republic of Bashkortostan № 216-z accepted on 15.02.1999 “On the Languages in the Republic of Bashkortostan”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/935103425?ysclid=lkoct2lmsv42917290>. (In Russ.)